

С этими словами Ло Шичжэнь снова посмотрел на одеяло в руках Лу Цюцзиня и недоуменно спросил:

— Но если тебе жарко, разве с одеялом не станет ещё жарче?

Лу Цюцзинь не знал, что и ответить. Сказать, что жарко, — солгать. Сказать, что нет, — тоже. В итоге он выдал из себя:

— Особенности организма. Я легко краснею.

— А-а...

Ло Шичжэнь уже слышал от него про особенности организма, но тогда подумал, что тот просто плохо переносит жару. Оказывается, у него «краснеющий» организм.

Бывает ли такое, Ло Шичжэнь не знал, но мир велик, болезней много, так что «краснеющий» организм Лу Цюцзиня казался вполне правдоподобным.

— Тебе не плохо? Смотри, не заболел бы.

Он только что придвинул свою кровать, и теперь они стояли вплотную. Ло Шичжэнь опустился на одно колено на матрас и потянулся к лбу Лу Цюцзиня, явно собираясь проверить температуру.

Длинные пальцы Лу Цюцзиня, сжимавшие одеяло, побелели от напряжения. Он замер, боясь пошевелиться и спугнуть его.

Кончики пальцев Ло Шичжэня почти коснулись его лба, но внезапно остановились.

— Ой, я забыл, — он смущённо улыбнулся и отдернул руку. — В прошлый раз ты сам сказал, что градусником точнее.

Лу Цюцзинь молчал.

Ло Шичжэнь слез с кровати, достал из аптечки градусник и протянул ему.

— Держи, измерь температуру. Если жар, нужно срочно принять лекарство.

Лу Цюцзинь уставился на градусник. И молча взял его.

Ло Шичжэнь тем временем принялся усердно заправлять постель. Он был очень чистоплотным: не только каждый день принимал душ и менял одежду, но и содержал свою постель в идеальном порядке. Когда он учился в Третьей средней школе, его даже учителя хвалили за это.

Тщательно расправив простыню и взбив подушку, он дождался, пока пройдёт время, и забрал у Лу Цюцзиня градусник.

— У тебя нет температуры, — с лёгкой улыбкой сообщил он. — Но ты сегодня ранен, так что пей больше воды.

Он собрался принести Лу Цюцзиню воды, но тот попытался встать.

— Я сам.

— Ничего страшного, мне несложно. Ты ранен, так что отдыхай. Я сам всё сделаю.

С этими словами Ло Шичжэнь налил стакан воды и поставил его на тумбочку со стороны Лу Цюцзиня.

Тот тихо поблагодарил, и Ло Шичжэнь улыбнулся ему в ответ.

Лу Цюцзинь думал, что на этом всё закончится и Ло Шичжэнь ляжет спать. Но тот, не зная усталости, придвинул и свою тумбочку, а затем аккуратно расставил на ней учебники, тетради и ручки.

Только после этого он отправился в душ, а затем принялся за стирку. Верхнюю одежду он закинул в стиральную машину, а нижнее бельё стирал вручную.

Помня о своей миссии — наладить отношения с Лу Цюцзинем, — он выглянул из ванной и спросил:

— Ты свою одежду постирал? Если нет, я могу и твою заодно.

Он только что вышел из душа и был одет в пижаму с наивным рисунком — чёрными мишками. Лу Цюцзинь смутно припомнил, как Сяо Шань спрашивал его, зачем он купил такую детскую одежду, и Ло Шичжэнь ответил, что это подарок бабушки.

Бабушка Ло сама не носила пижам, считая, что майка и трико — лучшая одежда для сна. Но,

отправляя внука в школу-интернат, она боялась, что над ним будут смеяться, и специально купила ему два комплекта.

В первый же год Ло Шичжэнь обнаружил, что его соседи по комнате тоже спят в майках и трико. Но он всё равно полюбил эти пижамы, особенно чёрных мишек. Бабушка говорила, что они похожи на него.

С первого курса до сегодняшнего дня пижамы, конечно, поизносились, покрылись катышками, но выглядели очень мягкими и уютными.

Для него это была просто удобная одежда, но в глазах Лу Цюцзиня всё выглядело иначе.

Ло Шичжэнь стоял в дверях, и кончики его пальцев, покрасневшие от пара, сжимали полотенце, которым он вытирал волосы. Его тёмные, блестящие глаза казались ещё более влажными, а взгляд — необычайно сосредоточенным.

Капля воды, ускользнув от полотенца, соскользнула с кончика волос на подбородок, а оттуда — в вырез пижамы.

Можно было почти представить, как эта капля скользит дальше по ложбинке на груди и куда она упадёт.

Лу Цюцзинь сглотнул.

Ло Шичжэнь не обратил на каплю никакого внимания. Он продолжал вытирать голову и с недоумением смотрел на молчавшего Лу Цюцзиня.

— Лу Цюцзинь? — он помахал рукой. — У тебя есть одежда для стирки?

— Н-нет.

Лу Цюцзинь, заговорив, понял, как пересохло у него в горле, и поспешно сделал глоток воды.

— Ну, тогда я пошёл стирать. Если хочешь спать, выключай свет, не жди меня.

Ло Шичжэнь кивнул и закрыл дверь ванной.

Лу Цюцзинь выпил ещё несколько глотков воды, чтобы унять жар на щеках.

Кажется, и вправду стало жарко, особенно когда Ло Шичжэнь открыл дверь и из ванной вырвался клуб пара.

Неудивительно, что Сяо Шань и Чу Сяо так к нему липнут. Если бы они увидели это, то и вовсе с ума сошли бы.

Лу Цюцзинь осушил стакан.

Когда он пришёл в себя, воды в стакане уже не было. Он встал, чтобы налить ещё, и, подумав, что Ло Шичжэнь после стирки тоже захочет пить, налил и ему.

Увидев, как Ло Шичжэнь, развесив бельё, вышел с всё ещё влажными волосами, Лу Цюцзинь не удержался:

— Ты не будешь сушить волосы?

— Ничего, сейчас жарко, сами высохнут, — улыбнулся Ло Шичжэнь.

— В комнате работает кондиционер, простудишься.

Лу Цюцзинь снова встал и, как ни в чём не бывало, взял свой фен.

— Давай я тебе высушу.

Как Ло Шичжэнь мог позволить раненому сушить ему волосы?

— Не надо, у тебя же рука болит.

— Для этого и одной руки хватит, — невозмутимо ответил Лу Цюцзинь. — К тому же, мы же налаживаем отношения. Это поможет.

Ло Шичжэнь подумал, что в этом есть смысл. Он с сомнением посмотрел на его перевязанную руку и всё же сел.

— Если устанешь, скажи. Я могу и сам.

— У меня крепкое здоровье, я не устану.

Ло Шичжэнь послушно сидел, пока тот сушил ему волосы.

Лу Цюцзинь, опустив глаза, видел его светлую шею. Ло Шичжэнь был очень бледным. Он заметил это раньше. Это была не болезненная бледность, а здоровая, фарфоровая. Кожа на тех частях тела, что редко видели солнце, казалась ещё белее.

Маленькая родинка пряталась под воротником, и, когда фен раздувал волосы, она то появлялась, то исчезала.

Лу Цюцзинь засмотрелся и не заметил, как замер.

— Ты что делаешь? — внезапно обернулся Ло Шичжэнь. — Почему твоя рука у меня на шее?

Лу Цюцзинь только тогда понял, что его раненая рука сама собой легла на шею юноши. Он отдернул её, как от огня, и почувствовал, как вместе с горячим воздухом из фена его снова бросает в жар.

— У тебя родинка на шее, довольно симпатичная.

Сказав это, Лу Цюцзинь тут же пожалел. Что за глупость? Незнакомый человек мог подумать, что он такой же, как Чу Сяо и Сяо Шань.

Но Ло Шичжэнь не заметил ничего странного в его словах. Ему было приятно, и он с удовольствием рассказал историю появления этой родинки.

— У меня с детства не было ни одной родинки. А эта появилась, когда я упал и карандаш воткнулся мне в шею. Когда его вытащили, осталась точка.

Карандаш воткнулся в шею?

Лу Цюцзинь, сам того не заметив, нахмурился.

— Это же опасно. Почему ты не пошёл в больницу?

— Да ладно, ничего страшного. Не больно, не чешется, даже крови не было. Из-за такой мелочи в больницу бежать — только деньги тратить.

Ло Шичжэнь говорил об этом легко. В их посёлке богатых было мало, и дети росли неприхотливыми. Карандаши впивались в кожу не только у него. Дети есть дети, они готовы играть чем угодно. Карандаш Ло Шичжэня ещё бабушка вытащила, а у двоих его одноклассников грифель так и остался под кожей, но это им никак не мешало.

Но у Лу Цюцзиня от этих слов сердце сжалось. В его воображении тут же возник образ маленького Ло Шичжэня, который из-за бедности не мог пойти к врачу, даже получив травму.

— Тебе нужны деньги? У меня есть.

Он достал карточку, на которой лежало двадцать миллионов, а затем и вторую. Эту карточку Лу Цюцзинь приготовил, чтобы нанять людей. Перед тем как окончательно исказиться, он собирался расправиться со своей семьёй, но этого ему было мало. Он решил нанять людей, чтобы те по очереди плясали на могилах его родственников, а по воскресеньям — нанять профессионального ругателя, чтобы тот целый день изрыгал проклятия.

Но раз Ло Шичжэню нужны деньги, можно отдать их ему. А нанять людей можно и потом, заработав ещё.

Лу Цюцзинь подсознательно так решил, а затем мысленно добавил, что раз уж он рассчитывает на очищение от Ло Шичжэня, то задабривать его нужно как следует. Способность к очищению бесценна, и те деньги, что он даёт, — сущие копейки.

Укрепившись в этой мысли, Лу Цюцзинь с ещё большей уверенностью протянул Ло Шичжэню две карточки.

— Здесь пятьдесят миллионов. Возьми пока, если не хватит, я дам ещё.

Ло Шичжэнь тупо уставился на карточки.

— А?

<http://bllate.org/book/16996/1588579>